

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА КСЕНОФОБИИ

П.Н. ТИХВИНСКИЙ, *ст. преподаватель каф. философии МГУЛ*

caf-phil@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО МГУЛ «Московский государственный университет леса»
141005, Московская область, г. Мытищи-5, ул. 1-ая Институтская, д. 1, МГУЛ

В природе ксенофобии лежит естественный страх перед неизвестным, как правило, в условиях информационной изоляции больших и малых социальных групп среди не знающих чужих обычаев и традиций людей. Так возникает мнение о варварских нравах этих «чужих», иногда искусственно распространяются недостоверные слухи. Есть предположение о существующей практике намеренного культивирования ксенофобии как проверенного метода управления группой лиц (масштаб и ситуации могут варьироваться причудливым образом). Принцип – объединение общей идеей (создание «образа врага», разжигание ненависти ксенофобии по отношению к кому-либо) ради достижения своих иногда внешне неочевидных целей. Возможна и неосознанная трансляция чувства от одного поколения другому, что может закрепляться в устных и письменных источниках, например, устном народном творчестве, мифах, священных книгах и пр. Очень часто ксенофобия является причиной агрессивного национализма и экстремизма в современном обществе, в том числе и российском. Она провоцирует и усиливает социальную напряженность, служит мощным фактором роста насилия и преступности. В настоящее время ксенофобия в российском обществе приобрела характер явной угрозы личности, обществу и государству, хотя до недавнего времени отсутствовало осознание ксенофобии и этнической нетерпимости как существенных факторов, угрожающих стабильному социально-политическому развитию страны. Не сформирован общественный консенсус по поводу основных направлений и конкретных мер, которые позволили бы преодолеть порождаемые ксенофобией угрозы, и отсутствуют системные исследования причин этого явления. Выбор объектов ненависти крайне разнообразен. Есть люди и социальные группы, которые не любят русских, африканцев, азербайджанцев, другие – евреев или американцев. По данным российского социолога Льва Гудкова, в нашей стране вероятность ксенофобских конфликтов составляет 75–80 %. Таким образом, среднестатистический ксенофоб может избирать в качестве объекта приложения своей ненависти и «черных», и евреев, и китайцев, и перуанцев, представителей иной субкультуры, сексуального меньшинства. Ему достаточно только одного факта, что перед ним чужой (инакомыслящий). В данной статье автор рассматривает социально-психологические аспекты ксенофобии и ее проявлений в контексте философской рефлексии.

Ключевые слова: ксенофобия, национализм, экстремизм, этническая нетерпимость, общественный консенсус, российское общество, социально-психологические аспекты.

Население России во все времена отличалось выраженной индифферентностью по отношению к инородцам, отсутствием интереса к иному происхождению, стремлением никак не выделять их из своей среды. Однако сегодня в стране происходит усиление ксенофобии и рост числа сторонников тезиса «Россия для русских». Будучи сама по себе нерадикальной, ксенофобия может стать знаменем этноцентрического движения новых русских националистов, что затруднит проведение социально-экономических и политических преобразований, объединение общественности вокруг гуманистических, демократических идеалов. Это определяет актуальность ее изучения.

Ксенофобия – явление актуально существующее, внешне кажется хорошо знакомым. Само слово вызывает сгусток иногда ярких до физической осязаемости, а иногда смутных ассоциаций. Здесь и тайные козни инквизиции, и изгнание мавров из Испании, и преследование за веру и неверие, и межэтническая напряженность, и повышенная

подозрительность. Но в целом оно изучено плохо. Нет и достаточно эксплицитных определений этого понятия. В коротких справках термин «ксенофобия» сводится к этимологии, оно рассматривается как проявление страха, недоверия, ненависти ко всему незнакомому. Например, во вступительной статье книги Нейла Смелзера (Neil J. Smelser) «Социология» (1994) определение ксенофобии звучит так: «Ксенофобия – страх и ненависть ко всему чуждому образу жизни данного общества». Такое понимание ксенофобии близко к нашему пониманию [1].

При этом понятие «ксенофобия» достаточно распространено в социологической и особенно политологической литературе. Им пользуются и дипломаты, и политические журналисты, и психологи, и социологи. В психологии ксенофобия выражает особую степень внешней и внутренней конфликтности замкнутой личности, ее болезненно отчужденный характер.

По сути, ксенофобия – понятие маргинальное, оно захватывает границы различных

смысловых полей с широким диапазоном. Многозначность понятия позволяет сказать, что феномен и теоретическое понимание ксенофобии остаются проблемой. Какие факторы стимулируют это явление? Каковы социальные и психологические потенции этого явления? Каким слоям и социальным группам присуща ксенофобия? Поиски ответов на эти вопросы требуют достаточно сложных размышлений.

По типу существования ксенофобия не может считаться строгим термином. Действительно, ксенофобию можно и не увидеть в самых очевидных общественных перипетиях, но можно обнаружить и в неявных ситуациях. Но в большинстве понятий гуманитарных, социальных, психологических наук это не является однозначным термином. Относительную строгость понятие «ксенофобия» приобретает лишь тогда, когда происходит сознательное ограничение выделенной проблематики. В этом случае понятие приобретает конкретность в определенном смысловом контексте. Термины в области социологической рефлексии вероятности парадигмально по сути. В данном случае ксенофобия как социально-психологический феномен рассматривается не в эссенциальном (сущностном) контексте, а в номинальном. Смысловая оппозиция «эссенциализма» и «номинализма» принадлежит Карлу Попперу, который развивает идеи схоластов в их дискуссии о реализме и номинализме. Иначе говоря, мы ставим вопрос не «что это такое?» (что такое ксенофобия, определено этимологией), а «что это значит?», «какой в этом смысл?», «в каких отношениях?», «при каких обстоятельствах?» возникает феномен ксенофобии.

Карл Поппер (Karl Raimund Popper) справедливо замечал, что проблемы общественных наук до сих пор решаются эссенциалистскими методами. В этом заключается одна из главных причин их отсталости. В этом кроются особые трудности для социологов, ибо «сфера его исследований пребывает в постоянном движении. Область общественной жизни, всецело охваченная потоком истории, не имеет устойчивой сущности» [2]. Проблемы ксенофобии могут ставиться только в вероятностном, парадигмальном ключе.

С точки зрения номинативного вероятностного подхода, феномен ксенофобии держится на двух опорных смыслах: *xenos* – чужие, посторонние, иностранцы, и *phobos* – страх, неприязнь, ненависть. Феномен ксенофобии стар, как мир человеческих отношений, но в своем номинативном своеобразии, как нам представляется, он впервые фиксируется в книге Ездры Ветхого Завета. В библейской притче о попрании Древнего Закона идет речь о кризисе племенных норм и представлений у древних евреев [3].

Первая фиксация фобии и, очевидно, самого этого понятия в литературе относится к 1617 г. и отмечена в Англии. Новое время со своими социальными и психологическими сюжетами лишь немного уступает коллизиям нашего времени. Слово «фобия» появляется через тринадцать лет после постановки шекспировского «Гамлета» в лондонском «Глобусе» и за тридцать лет до начала Английской буржуазной революции. Разгон парламента, Кромвель, казнь короля, подавление ирландского сопротивления, пуритане... Нервы и чувства были напряжены до предела!

Первые классификации фобий и начало их систематического изучения относится к 1871 г., когда немецкий психиатр Карл Вестфаль (Westphal Karl Friedrich Otto) описал одну из самых популярных фобий – агорафобию (боязнь открытых пространств). К 1914 г. американский психиатр Грэнвилл Стэнли Холл (Hall, Granville Stanley) насчитал 135 видов фобий. Современные западные справочники обнаруживают свыше 400 фобий. Психологи отмечают, что фобии резко проявляются изолированно от других невротических навязчивых состояний, они, как правило, выступают в пучке, комплексе, представляя собой фобический синдром. Практически все особенности фобического синдрома, его бивалентный и даже амбивалентный характер соответствует синдрому ксенофобии, с той лишь разницей, что психологическое протекание процесса ксенофобии с разной степенью выраженности носит не столько индивидуальный, сколько коллективный, групповой или массовый характер

и, следовательно, имеет мотивировку. Очень часто уровень критики ксенофобических представлений опускается до низшей точки, переходя в прямую агрессию [4].

Границы ксенофобии достаточно размыты, возможна их интерференция с хорошо знакомыми феноменами, например с антисемитизмом. Ксенофобия легко связывается с конспирологией, со шпиономанией, страхом перед всяческими заговорами. В плане социальной практики и борьбы за раздел власти, т. е. политики, это страх перед иностранцами [5].

Но что такое чужое? Кто такие иностранцы? В пределах нынешней культуры (забудем на некоторое время о прошлом) это меньше всего иностранцы по паспорту и совсем не те, кто живет за границей. Между тем «чужое» всегда предстает как «малопонятное», «затемненное», «умышленно мистифицированное».

Можно ли квалифицировать как ксенофобию ненависть к врагу, который очевиден и чьи намерения понятны? Иначе говоря, может ли считаться фобией страх перед реальной опасностью? Нет, потому что это адекватная реакция, она подтверждается не только внешней установкой, но и опытом. Ненависть к врагу является вполне закономерным чувством, но для того чтобы появилась фобия, образ врага должен быть сильно обработан воображением.

Принято считать, что понятие «ксенофобия» стали употреблять в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. во Франкфуртской социологической школе М. Хоркхаймера, Э. Фромма и М. В. Адорно [5].

Франкфуртская школа связывала это понятие не столько с психологической патологией, сколько с возникновением феномена «авторитарной личности» и с типом социальной организации, которая в социологии получила название «общность».

Созданная по естественно-органическим законам социальная группа типа «общность», как правило, авторитарна и патрицентрична. Состояния ксенофобии (страх, подозрительность, агрессивное противостояние окружающим) возникают тогда, когда связи «спаянные кровью», оказываются не-

достаточными, когда «вождь-отец» теряет авторитет или физическую силу; когда слабеют естественные родовые законы и необходимо прибегать к силовым механическим методам, восстанавливающим статус с консолидацией [6]. Что же приходит на смену распадающейся целостности, «холизму» группы, основанных на естественных связях? Прежде всего, личный интерес, который и выделяет индивидуальность из целостного коллектива, тогда все или многие начинают ощущать себя индивидуальностями, строя свое поведение на социальном или экономическом интересе. Так разрушается «общность», но так возникает «общество». Как правило, в этот период появляется персонаж, выполняющий роль дублера «отца», своего рода эрзац племенного вождя считает Эдвард Шилз (Edward Shils) [6].

Эрих Фромм (Erich Seligmann Fromm) тесно связывал феномен ксенофобии с садистским характером. «Садистский характер боится всего, что ненадежно и непредсказуемо, – пишет Эрих Фромм, – обещает неожиданности, которые потребуют от него нестандартных поступков и решений. И потому, он боится самой жизни. Садистский характер поведения человека всегда связан с ксенофобией и неопобией – все чужое, новое представляет для него интерес, но в то же время вызывает страх» [7].

Ксенофобия достаточно легко внушается лицам и группам, ей подверженным, однако столь же легко, подчас спонтанно, переоценивается. В противном случае она переходит в систему целенаправленных действий – в политику. Степень подверженности ксенофобии зависит от многих личных и общественных обстоятельств. Известно, что консолидация фиксируется в группе прежде всего тогда, когда группе в формах общности грозит опасность. В данном случае не так уж важно, подлинная это опасность или мнимая. Опасность должна персонифицироваться в личности или социальной группе. Известно, что система лучше всего испытывается в противопоставлении другой системе, однако «система» – абстрактное понятие, а ксенофоб мыслит конкретно и образно. Поэтому системе придается характер лица, персоны.

Персонализация приобретает исключительно негативную окраску. Чаще всего такая характеристика совпадает с национальными или этническими чертами. Под этническими характеристиками понимают исторически-реальные, а также вымышленные и фантастические.

Причин войн много, и обсуждение их всегда сопровождается дискуссией. Здесь интересны замечания П.А. Сорокина – они содержат в себе возможности психологических и социологических интерпретаций. П.А. Сорокин пишет: «Войны возникают или увеличиваются, когда ослабевает единство в освоении высших ценностей» [8]. Это происходит, по мнению П.А. Сорокина, тогда, когда группы вступают в контакт, «прямые и постоянные сношения». «Сношения реально обнаруживают несовместимость противоположных ценностей, что ясно наблюдалось в древние и более недавние времена».

Ксенофобический синдром указывает на дискомфорт и внутреннюю конфликтность человека. Границы этого конфликта могут происходить не только между территориями и народами, общностями и обществами, но и внутри душевного пространства, расщепляя его целостность. Между тем, человек по своей антропологической природе стремится к целостности. Будучи целостным, он тяготеет к семье, группе, этнической и профессиональной идентичности. Однако социальная действительность неизбежно эту целостность нарушает и требует множественности ролей, типов и стилей поведения. Состояния многих людей балансируют на грани «быть в пределах» и «выйти из пределов», «объединиться» и вместе с тем «разъединиться». Отсюда ошибки, неврозы, чувство заброшенности и невозможности самоактуализации и самоидентификации. И здесь возникают первые импульсы к ксенофобическому синдрому.

Общество сегодня переживает кризис основных связей и структурных опор – это утверждение стало общим местом и само по себе не вызывает сомнения. Вопрос в том, как социальный кризис изменяет сознание, мутирует его. Какие исследованные признаки общества исчезают (возможно, отмирают), а

какие, напротив того, появляются? В связи с этим возникает ряд гипотез.

Основная гипотеза: это кризис общества, основанного на многочисленных формах единства: от единства ментальности и единства судьбы, до признания кровнородственной нерасторжимости. Это общество, аналогичное племени, создало государство, основанное на органических племенных законах. По известному определению: государство – это племя, у которого есть пушки. Отсюда и характер кризиса общественного сознания и его медленного, часто мучительного изменения – это кризис трибализма (от *tribe* – племя) [2].

Кризис трибализма и коллективизма особенно сильно отложился на самосознании молодежи. Сегодня это вовсе не однородная и устойчивая социальная страта, какой она казалась сравнительно недавно. Напротив, это достаточно индивидуализированный и даже автономизированный феномен, с ослабленными социальными скрепами, с отсутствием лидерства и влиятельной идеологии. В такой же степени отсутствием даже приблизительной однородности отличается студенчество. Каждый единичный представитель современного студенчества считает себя членом некой консорции, т. е. социальной группы с единой судьбой. Здесь даже возраст становится номинальной условностью, а не психологическим, социальным или социокультурным референтом.

Следующая гипотеза – это прямая зависимость между этническим идентитентом и ксенофобией. И то, и другое, как мы считаем, является производной от кризиса племенного сознания.

Этническое чувство начинает вытеснять все остальные формы социального самоутверждения: ролевые, статусные, профессиональные, региональные. Причем это именно чувство, не имеющее отчетливых логических понятий и представлений.

И, наконец, третья гипотеза, в какой-то степени объединяющая две предыдущие и выходящая на новый уровень осмысливания ксенофобии. Она связывает ксенофобию с «глобальной деколонизацией», борьбой за мультирасовое общество, повсеместное при-

знание гражданских прав, главенство принципа суверенитета человека от его личных свойств и убеждений, характерного для многоликого и многослойного универсального процесса постмодернизации мира, который, в свою очередь, порождает феномен сетевой культуры, проявляющийся в новых формах социальной организации и психологии [9].

Оценивая ксенофобию как общественную девиацию, мы, тем не менее, не склонны давать ей моральную оценку. Во-первых, потому что мораль – не наша область. Во-вторых, потому что не знаем, что такое нормальное развитие общества. Во всяком случае, развитие человеческого общества давало гораздо большее количество девиаций, нежели разумных, основанных на нравственных целях направлений. В-третьих, потому что ксенофобия аналогична фобии, т. е. неврозу, а это болезнь, соответственно она имеет естественно-физическую основу.

Различные признаки ксенофобии встречаются часто, однако подлинная «целостная и комплексная» ксенофобия – явление достаточно редкое. Подлинная ксенофобия возникает в результате сложного исторического кумулятивного процесса. Вспышки ксенофобии в России переживались тяжело, и их последствия ощущались достаточно долго. Достаточно часто встречается симуляция или имитация ксенофобии, которая может носить как комический, так и трагический характер. И симуляция, и имитация широко используются в многочисленных националистических, патриотических и патриоцентрических движениях. Однако следует отметить, что ксенофобический синдром толпы, ставшей коллективным реципиентом ксенофобических импульсов, может быть вполне подменным.

Проявления ксенофобии разнородны и многочисленны. Выделим две основные социально-психологические и социокультурные доминанты, которые позволяют классифицировать проявления ксенофобических тенденций [10]. Ксенофобия символической доминанты, существующая на «идеациональном» (в понятиях П.А. Сорокина) уровне [11].

Ксенофобия социально-прагматической доминанты, к ним относятся все виды изо-

ляций, депортаций, остракизмов, по признаку иррациональной чуждости и опасности [12].

В заключение, не претендуя на полноту и окончательность обобщений, выделим ряд сущностно важных аспектов, определяющих социально-психологический феномен ксенофобии:

– ксенофобия – социальное явление, ядро которого содержит нервно-психологическое напряжение. Это напряжение выражается в страхе, ненависти, подозрительности, скрытой или открытой агрессии по отношению к тем, кого в данной общности считают «чужим», «не своим», «иноверцем», «инородцем» и т. д.;

– ксенофобия порождается социальным кризисом общества или социальной группы, с которой в той или иной степени интериоризируется личность;

– одной из наиболее распространенных форм ксенофобии является агрессивно-неприязненное отношение к лицам иной национальности, этнической группе;

– ксенофобия исторически обусловлена. Стереотип восприятия «чужого» вырабатывается годами, десятилетиями, иногда – веками. Очень редко основывается на личном опыте;

– ксенофобия обладает в разных сочетаниях и пропорциях остаточными, социально-мотивированными и ситуативно-возобновляемыми потенциями;

– ксенофобия присуща представителям замкнутых (или полужамкнутых) социальных групп, которые в данный момент под влиянием тех или иных социальных обстоятельств переживают кризис и которым угрожает потеря социального статуса, социальной значимости и престижа;

– ксенофобией страдают лица, ориентированные этноцентрически и патриоцентрически;

– противоположным полюсом ксенофобии является мизопатия – отрицание всего отечественного, всего, что связано с этнической культурой.

Сегодня в России идеология конформизма приобретает все более тонкие черты. Вместе с тем, в обществе подспудно идет

поиск новых форм коллективности, которые обеспечили бы человеку и его близким большую комфортность в повседневной жизни.

Библиографический список

1. Смелзер, Н. Социология. Пер. с англ. / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
2. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / К. Поппер. – М.: Феникс, 1992. – 487 с.
3. Князев, А. Ветхий Завет / А. Князев // Исторические книги (машинопись). – Париж, 1952. – С. 500–512.
4. Косидовский, З. Библейские сказания / З. Косидовский. – Милан–Москва: Христианская Россия, 1992. – 482 с.
5. Дугин, А.Г. Конспирология. Монография / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1993. – 131 с.
6. Sociological research method. <http://www.sagepub.com/isw6/articles/ch3roth.pdf>.
7. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. пер. с англ. / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
8. Сорокин, П.А. Причины войн и условия мира / П.А. Сорокин // Социологические исследования. – 1993. – № 12.
9. Российские стратегические исследования, под ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002. – 192 с.
10. Лотман, Ю.М. Статьи по типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1970. – 109, 48 с.
11. О неврозах. Дифференциальная диагностика нервных болезней: Руководство для врачей / Под редакцией Г. А. Акимова и М. М. Одинака. – СПб.: Гиппократ, 2001. – 664 с.
12. Длин, Н.А. Россия и мировое сообщество: Запад и Восток / Н.А. Длин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 406 с.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PHENOMENON OF XENOPHOBIA

Tihvinsky P.N., Senior Lecturer MSFU

caf-phil@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1 st, Institutskaya st.1, 141005, Mytischy, Moscow reg., Russia

In the nature, xenophobia is a natural fear of the unknown, as a rule, under conditions of information isolation of large and small social groups among others who do not know the customs and traditions of the people. So it is a view of the barbaric customs of these «strangers», sometimes false rumors are artificially spread. There is an assumption about the current practice of intentional cultivation of xenophobia as a proven method of managing a group of persons (scale and the situation may vary). Principle of the common idea (creation of «enemy image», inciting hatred, xenophobia, against anyone) to achieve their sometimes seemingly non-obvious purposes. There is also an unconscious feeling heritage continuing from one generation to another, it can be mounted in oral sources, written sources, such as folklore and myths, sacred books, and other sources. Very often the xenophobia causes aggressive nationalism and extremism in the modern society, including the Russian one. It provokes and exacerbates social tensions and is a powerful factor in the growth of violence and crime. Currently xenophobia in the Russian society has become a clear threat to the individual, society and the state, although until recently there was no awareness of xenophobia and ethnic intolerance as significant threats to sustainable socio-political development of the country. A public consensus on the main directions and specific measures that would counter the threat posed by xenophobia has not been achieved, and there is a lack of a systematic research into the causes of this phenomenon. Selecting objects of hatred is very diverse, there are people and social groups who do not like Russian, African, Azerbaijanis, Jews or Americans. According to the Russian sociologist Lev Gudkov, in our country, the probability of xenophobic conflict is 75–80 %, so the average xenophobe may elect as its object of hatred «the black» and Jews, and Chinese, and Peruvians, representatives of different subcultures, sexual minorities. He needs only one fact – the person is a stranger (dissenting). In this article, the author examines the social and psychological aspects of xenophobia and its manifestations in the context of philosophical reflection.

Keywords: xenophobia, nationalism, extremism, ethnic intolerance, social consensus, the Russian society, the social and psychological aspects.

References

1. Smelzer N. *Sotsiologiya. Per. s angl.* [Sociology. Translation from English]. Moscow: Feniks, 1994. 688 p.
2. Popper K. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies], *T. 1. Chary Platona* [Vol. 1. Charms of Plato]. Moscow: Feniks, 1992. 487 p.
3. Knyazev A., prot. *Vetkhyy Zavet. Istoricheskiye knigi (mashinopis')* [The Old Testament. Historical books (typescript)]. Paris, 1952.
4. Kosidovskiy Z. *Bibleyskiye skazaniya* [Bible legends] Milan–Moscow: Khristianskaya Rossiya, 1992. 482 p.
5. Dugin A.G. *Konspirologiya. Monografiya* [Conspirology. Monograph]. Moscow: Arctogeya, 1993. 131 p.
6. Sociological research method. <http://www.sagepub.com/isw6/articles/ch3roth.pdf>.
7. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. Per. s angl. Avtorskaya vstupitel'naya stat'ya P.S. Gurevicha* [Anatomy of human destructiveness. Translated from English. Author's opening chapter P.S. Gurevich]. Moscow: Respublika, 1994. 447 p.
8. Sorokin P.A. *Prichiny voyn i usloviya mira. Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Causes of war and peace terms. Sociological studies]. 1993. № 12.
9. *Rossiyskiye strategicheskiye issledovaniya* [Russian strategic research]. Moscow: Logos, 2002. 192 p.
10. Lotman Y.M. *Tipologii kul'tury. Stat'i* [Typology of culture. Articles]. Tartu, 1970.
11. *O nevrozakh. Differentsial'naya diagnostika nervnykh bolezney: Rukovodstvo dlya vrachey* [About neuroses. Differential diagnosis of neurological diseases: a guide for doctors]. Saint-Petersburg: Gippokrat, 2001. 664 p.
12. Dlin N.A. *Rossiya i mirovoye soobshchestvo: Zapad i Vostok* [Russia and the world community: West and East]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2001. 406 p.